

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Д.П. Миртов

Обзор журналов:

**Статьи по философии в духовных и светских
журналах за 1903 год**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1904. № 8. С. 264-277.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Обзоръ журналовъ.

Статьи по философіи въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ за 1903 годъ. *).

О Соловьевѣ—статья Булгакова, о Ницше—кн. Е. Трубецкого, о Горькомъ—іером. Георгія, о Гротѣ—А. Никольскаго.

Г. Булгаковъ въ очеркѣ „Что даетъ современному сознанию философія Владиміра Соловьева?“,—помѣщенномъ въ 66 и 67 книгахъ „Вопросы философіи и псих.“, показываетъ, что подобное тяготѣніе вообще современнаго сознанія къ идеалу Соловьева вполне естественно. „Современное сознаніе, разорванное, превращенное въ обрывокъ себя самого въ системѣ раздѣленія труда, не перестаетъ болѣть этой разорванностью и ищетъ цѣлостнаго міровоззрѣнія, которое связывало бы глубины бытія съ повседневною работою, осмысливало бы личную жизнь, ставило бы ее *sub specie aeternitatis*... При всемъ богатствѣ знаній и развитіи науки современная мысль представляетъ картину внутренняго распада и безсилія. Тѣ элементы, которые нормально должны находиться въ гармоніи, теперь враждуютъ между собою или находятся въ состояніи взаимнаго отчужденія“. Г. Булгаковъ указываетъ на тотъ же извѣстный фактъ, что положительная наука находится во враждѣ съ метафизикой, что обѣ онѣ заподозрѣваютъ въ нарушенія своихъ правъ религію и что „практическая жизнь идетъ своимъ порядкомъ независимо какъ отъ той, такъ и другой“. Выходъ изъ этого ненормальнаго

*) Продолженіе. См. июль.

состоянія можетъ дать только синтетическая философія, опытъ которой данъ Соловьевымъ и которая имѣетъ въ виду помирить въ современномъ сознаниіи религію, метафизику и науку и освѣтить ихъ совокупнымъ свѣтомъ практическую жизнь съ ея этическими и историческими задачами.

Пытаясь обрисовать „фигуру дѣйствительнаго Соловьева во весь ея колоссальный ростъ и тѣмъ содѣйствовать ея опознанію“, г. Булгаковъ въ своемъ публицистическомъ очеркѣ, представляющемъ расширенную переработку публичной лекціи, читанной имъ въ Кіевѣ, Полтавѣ и Кишиневѣ, указываетъ, прежде всего, что для выполненія универсальнаго синтеза своей философіи Соловьевъ имѣлъ всѣ данныя, потому что самъ обладалъ въ высокой степени универсальностью; это былъ мыслитель, въ системѣ котораго объединены подъ высшей идеею и самыя разнообразныя философскія ученія и важнѣйшія доктрины современнаго естествознанія, это былъ поэтъ, одаренный „живымъ чувствомъ красоты“, это была религіозная натура, даже преимущественно религіозная, потому что „религіозная сторона его духа была, безъ сомнѣнія, самою главною, самою основною, окрашивающею въ свой цвѣтъ всѣ его философскія построенія; наконецъ, это былъ не кабинетный мыслитель, но человѣкъ, „сердцу котораго близки и понятны всѣ скорби и нужды современности“, гражданинъ „въ самомъ широкомъ смыслѣ слова“. Затѣмъ г. Булгаковъ даетъ общій очеркъ его идей. Подробно слѣдовать за его изложеніемъ общеизвѣстныхъ взглядовъ Соловьева намъ нѣтъ нужды. Мы отмѣтимъ только то, что въ философіи Соловьева является, по мнѣнію г. Булгакова, имѣющимъ значеніе для современнаго сознания. Такъ, гносеологія Соловьева, говоритъ г. Булгаковъ, „расширяетъ и укрѣпляетъ самыя исконныя и дорогія права человѣческаго сознания“, именно она не только „критически обосновываетъ возможность отвлеченнаго мышленія, эмпирическаго знанія и вѣры, но—что гораздо важнѣе—утверждаетъ права эмпирическаго, живого или „конкретнаго“ сознания, въ которомъ неразрывно соединены всѣ указанные три источника познанія“, обычно раздѣляемые и противопоставляемые другъ другу въ области абстрактной мысли. „Онъ провозгласилъ неотъемлемыя права живого человѣческаго сознания, которое подвергалось философской вивисекціи“, и это провозглашеніе было у него не дѣломъ первобытнаго, наивнаго, нефилософ-

скаго сознанія, а критическимъ итогомъ всего вѣкового развитія философіи.

О всей же вообще философской системѣ Соловьева слѣдуетъ сказать, что она современному сознанію „даетъ стройный и гармоничный синтезъ современной мысли и знанія, въ которомъ приняты во вниманіе и согласованы запросы и критической философіи, и метафизическаго творчества, и естествознанія“. Но г. Булгаковъ „исключительное“ значеніе этой философіи „для современнаго атеистическаго общества“ видитъ въ ея отношеніи къ религіи: философія Соловьева имѣетъ тенденцію органически слиться съ христіанскимъ вѣроученіемъ, осуществляя на дѣлѣ идеаль „свободной теософіи“. Можно, замѣчаетъ г. Булгаковъ, вообще различно понимать отношеніе философіи и религіи: совершенно отдѣлять философію отъ религіи или же видѣть въ философіи лишь свободное изслѣдованіе содержанія религіознаго сознанія, свободную теософію; съ этой точки зрѣнія всякая философія является введеніемъ въ свое собственное богословіе. „Это вѣрно и относительно философіи атеизма и позитивизма, потому что и здѣсь обосновывается своеобразное богословіе или религіозное ученіе о человѣчествѣ и его грядущихъ судьбахъ“. И если философія не хочетъ нерѣшительно остановиться на полдорогѣ или превратиться въ *jeu d'esprit*, не имѣющую серьезнаго значенія, она, говоритъ г. Булгаковъ, необходимо должна обосновать собственное богословіе: это „составляетъ ея главную задачу, ея жизненный нервъ“. Отсюда и связь философіи съ религіей у Соловьева „не есть недоразумѣніе или слабость философа, отдавашаго философію на службу богословію, а есть, напротивъ, признакъ ея законченности, внутренней зрѣлости, серьезности ея замысла... Съ нашей точки зрѣнія, въ этой связи заключается главное достоинство и общественное значеніе философіи Соловьева. Проповѣдь истиннаго христіанства должна совершаться не только въ формѣ мощнаго этическаго призыва и личнаго примѣра, но и во всеоружіи философіи и науки“. Истины христіанства не только вдохновляютъ теоретическую философію Соловьева, но и являются движущимъ началомъ и его публицистической дѣятельности: онъ старался освѣщать ими всѣ вопросы общественной жизни, и если, при этомъ, можно встрѣтить иногда отдѣльныя ошибки частнаго свойства, то никогда вы не встрѣтите не только измѣны этимъ

принципамъ, но даже какой бы то ни было теоретической сдѣлки съ враждебной дѣйствительностью или уступки ей: столь замѣчательно цѣльно міросозерцаніе русскаго философа. Авторъ излагаетъ взгляды Соловьева по различнымъ вопросамъ общественной и государственной жизни, дѣлая по мѣстамъ не лишеныя значенія замѣчанія съ своей стороны. Итогъ его статьи таковъ: „цѣлостное и вполне развитое христіанское міросозерцаніе—вотъ что даетъ современному сознанию философія Соловьева... Соловьева многіе называли и въ насмѣшку и серьезно пророкомъ, и за его внѣшность, и за его ученіе. Его служеніе было, дѣйствительно, пророческимъ и, непонимаемый и осмѣиваемый современниками, онъ начинаетъ все болѣе и болѣе оцѣниваться въ нашихъ глазахъ. Человѣчество пережило господство отвлеченнаго клерикализма, враждебное свободной мысли и научному изслѣдованію; мы теперь переживаемъ вѣкъ отвлеченнаго раціонализма, отвергнувшаго сначала религію, а затѣмъ и философію во имя точнаго знанія и свободнаго изслѣдованія. Но есть основаніе думать, что и этотъ періодъ приходитъ къ концу и уже исчерпываетъ свои положительныя потенціи. На очереди новый высшій синтезъ, исканіе котораго и было дѣломъ Соловьева, съ ясновидѣніемъ пророка предугадавашаго, въ чемъ могутъ находить полное удовлетвореніе исконныя запросы человѣческаго духа.

Характерное подтвержденіе высказанной г. Булгаковымъ мысли получаемъ изъ устъ философа, который по вопросу объ отношеніи философіи къ религіи и вообще по вопросу о религіи представляетъ прямую противоположность Соловьеву. Ницше также жалуется на то, что наше время, какъ никакое другое, характеризуется чрезмѣрнымъ развитіемъ спеціальностей и отсутствіемъ синтетизма, что обычный типъ теперешнихъ культурныхъ людей—человѣкъ—дробь, односторонній наблюдатель съ высокомѣрными претензіями, что происходитъ это отъ пренебреженія къ философіи, отъ которой положительныя науки въ дѣйствительности всегда находятся въ неизбѣжной зависимости и что такому разочарованію въ философіи способствовали въ значительной мѣрѣ сами современные философы съ ихъ отсутствіемъ творчества и пониманія великихъ синтетическихъ задачъ мысли. Усматривая въ этомъ проявленіе вульгарныхъ тенденцій вѣка, Ницше надѣется, однако, что подобные узкіе спеціалисты

въ совокупности своей подготавливаютъ появленіе тѣхъ синтетическихъ личностей, которыя, подобно верстовымъ столбамъ, показываютъ, насколько человѣчество ушло впередъ въ своемъ движеніи. Съ этими мыслями Ницше читатель философскихъ журналовъ встрѣчается въ окончаніи этюда о Ницше кн. Е. Трубецкого, помѣщенномъ въ 69 кн. „Вопросы фил. и псих.“, именно въ главѣ, излагающей „соціальныя и политическія воззрѣнія Ницше“. Люди неравны по природѣ, а, слѣдовательно, и неравноцѣнны; отсюда преобладаніе высшаго типа или аристократическій строй является необходимымъ условіемъ высшаго культурнаго развитія. Между тѣмъ господствующая тенденція нашего времени—необыкновенно быстро совершающаяся демократизація общества, страхъ предъ личностью, превращеніе человѣчества во что-то стадообразное, обыкновенное, посредственное и пошлое. Результатомъ такой всеобщей невеличавости является, прежде всего, рабочій вопросъ. Она же обнаруживаетъ себя въ томъ, что и среда господствующихъ, обеспеченныхъ и образованныхъ классовъ представляетъ картину упадка, приниженія умственныхъ интересовъ и всеобщаго измельчанія личности. Современное общество заѣдено американизмомъ; „въ отношеніяхъ между людьми господствуетъ дѣловитость и разсудочная ясность; мы разучились радоваться жизни; мы считаемъ за добродѣтель сдѣлать возможно больше въ возможно меньшее время. Когда мы тратимъ время на прогулку, бесѣду съ друзьями или наслажденіе искусствомъ, мы уже считаемъ нужнымъ оправдываться „необходимостью отдыха“ или „потребностями гигиены“. Скоро самая склонность къ созерцательной жизни войдетъ въ презрѣніе. Насколько возвышеннѣе было настроеніе древнихъ грековъ!“ Нашъ вѣкъ ставитъ себѣ цѣлью сдѣлать человѣка возможно полезнымъ, а для этого надѣлать его добродѣтелями непогрѣшимой машины, но для этого, въ свою очередь, нужно приучить его къ скукѣ. Въ этомъ и заключалась доселѣ задача современной школы, которая заставляетъ насъ учиться именно тому, что насъ вовсе не касается, видѣть въ этой якобы объективной дѣятельности нашъ долгъ, цѣнить долгъ независимо отъ удовольствія. Наши умственные силы истощены, и въ безсиліи создать что либо новое, самобытное въ области искусства, философіи и морали, мы обращаемся къ прошлому, заботливо собирая обломки отжившихъ культуръ;

отсюда современность представляет смѣшеніе всѣхъ возможныхъ временъ, моралей и религій. Но будучи такимъ смѣшаннымъ существомъ, современный человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ что-то недодѣланное, обрывокъ и начало чего-то, именно вслѣдствіе того развитія узкаго спеціализма, о которомъ говорилось выше. Обыкновенно, въ опроверженіе толковъ объ упадкѣ культуры, указываютъ на колоссальный прогрессъ государственнаго начала; въ глазахъ Ницше, наоборотъ, этотъ прогрессъ служить частью симптомомъ, частью же причиною упадка, потому что государство выражаетъ собою коллективное, *стадное* начало. Что это такъ, доказываютъ и политическія теоріи,—напр., социалистическая, въ основѣ которыхъ, какъ и въ основѣ морали состраданія, лежитъ одинъ источникъ—возстаніе рабовъ противъ господъ. Не такова социальная философія Ницше. Она проникнута, какъ и его мораль, отвращеніемъ къ человѣку, въ его настоящемъ и прошломъ, и исходъ изъ пессимизма находитъ только въ той мысли, что настоящее представляетъ переходъ къ лучшему будущему, къ новой высшей формѣ существованія. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ не задерживать, а, напротивъ того, ускорять происходящій въ Европѣ процессъ демократизаціи, потому что какъ только онъ придетъ къ концу, человѣческое стадо само собою попадетъ въ руки сильныхъ людей—людей высшей разновидности, его естественныхъ повелителей и господъ. Въ социальной и политической философіи Ницше кн. Трубецкой находитъ тѣ же противорѣчія и тотъ же двойственный масштабъ цѣнностей, какъ и въ нравственномъ ученіи философа. Такъ, одни и тѣ же факты понимаются у Ницше то какъ признаки упадка, то какъ проявленія новой высшей культуры, потому что самое понятіе „упадокъ“ у него означаетъ то отпаденіе отъ извѣстной нормы біологическаго совершенства, достигнутаго въ прошломъ, то отклоненіе отъ идеала высшей разумности, достижимой только въ будущемъ. Тоже нужно сказать о понятіяхъ аристократизма и демократизма, о понятіи справедливости и т. п. То Ницше становится на точку зрѣнія чистаго натурализма, исключаящую нравственную оцѣнку, то на точку зрѣнія нормативную, и социальная его философія, какъ и вся вообще его философія, является и исканіемъ, и отрицаніемъ смысла человѣческаго существованія. Центральнымъ пунктомъ философіи Ницше служитъ „ученіе о сверх-

человѣкъ“. Всѣ цѣли, которыя доселѣ ставило себѣ человѣчество, оказались призрачными: нужно поставить новую цѣль, и такую цѣлью можетъ быть только новый человѣческій, точнѣе говоря, сверхчеловѣческій типъ. Черты, въ которыхъ рисуется у Ницше этотъ типъ,—большою частью отрицательнаго характера, полученныя путемъ отрицанія средняго, обыденнаго человѣка. Высшіе люди; какъ они рисуются въ „Заратустрѣ“—отрицатели, бѣглецы, ушедшіе отъ современнаго общества, отрѣшившіеся отъ современныхъ вѣрованій,—„люди великаго презрѣнія и отчаянія“. Это, прежде всего, самъ Заратустра—безбожникъ изъ безбожниковъ: онъ не знаетъ себѣ равнаго, ибо онъ отвергъ всякій законъ, кромѣ собственной воли; всякое человѣческое общество служитъ для него предметомъ отвращенія; онъ спасается отъ людей въ уединеніи своей пещеры, расположенной среди недоступныхъ скалъ. Онъ—врагъ всякаго состраданія и хочетъ быть твердымъ какъ алмазъ;—но онъ все-таки представляетъ собою только подготовительную ступень къ сверхчеловѣку, ибо не преодолѣлъ въ себѣ послѣдняго остатка человѣчности—жалости къ лучшимъ, „высшимъ людямъ“, которые стекаются къ нему за совѣтомъ и помощью въ пещеру. Вся дѣйность сверхчеловѣка сводится, такимъ образомъ, единственно къ контрасту съ людьми болѣе слабыми, съ толпою, а такъ какъ толпа, по взгляду Ницше, не только не обладаетъ никакою цѣнностью, но есть нѣчто, заслуживающее презрѣнія и отвращенія, то и сверхчеловѣкъ его представляетъ только мнимую цѣнность, если онъ цѣненъ лишь по сравненію съ тѣмъ, что не имѣетъ никакой цѣны. Притомъ, съ точки зрѣнія философіи, отрѣшившейся отъ всякихъ цѣнностей и ставшей „по ту сторону добра и зла“, одинъ человѣкъ не выше и не цѣннѣе другого,—и о сверхчеловѣкѣ не должно бы быть и рѣчи. Почему же Ницше въ этомъ отрицательномъ, противорѣчивомъ и не имѣющемъ почвы въ его принципахъ понятіи видитъ то, что придаетъ красоту, смыслъ и привлекательность всей міровой жизни? Потому, что „сверхчеловѣкъ“ представляетъ собою бьющее на нервы и эффектное зрѣлище,—хотя и не трудно убѣдиться, что эффектъ этотъ достигается путемъ оптическаго обмана. Что можетъ быть привлекательнаго, спрашиваетъ авторъ, въ человѣкѣ хищникѣ, эксплуататорѣ, жестокомъ, не вѣдающемъ жалости?! Сама по себѣ безчело-

вѣчность можетъ внушить только отвращеніе; но въ извѣстной обстановкѣ она можетъ произвести на насъ нѣкоторый театральнѣй эффектъ: по контрасту съ мелкими воришками и стадными животными, носящими человѣческій образъ, крупный хищникъ можетъ показаться намъ львомъ; жестокость, если мы будемъ постоянно сопоставлять ее съ дряблостью, слабонервностью и изнѣженностью, сойдетъ въ концѣ концовъ за „твердость алмаза“; безжалостность будетъ рано или поздно принята нами за „силу воли“; мѣдный лобъ за благородный металлъ, а красивыя слова за философію“. Всего легче подобнымъ идеаломъ произвести эффектъ въ наше время, такъ какъ „наши нервы утомлены однообразной картиной окружающей насъ житейской пошлости и нашъ выродившійся вкусъ жаждетъ сильныхъ ощущеній!“ Не удивительно, если протестъ противъ измельчанія и вырожденія современнаго человѣчества, какимъ является философія Ницше, находитъ сочувствіе. „Я такой же сынъ моего времени, говоритъ Ницше, какъ и Вагнеръ, т. е. декадентъ съ тою разницей, что я это понялъ и возсталъ противъ этого“. — „Подъ этимъ и мы подпишемся“ говоритъ, приведя эти слова, кн. Трубецкой. Въ „заключеніи“ авторъ подводитъ итоги своего изслѣдованія, показывающіе, что ученіе Ницше носить на себѣ печать упадка философской мысли. „Въ цѣломъ философія Ницше производитъ впечатлѣніе чего-то необычайно нестройнаго и нескладнаго: она изумляетъ отсутствіемъ логическаго единства и скудостью своихъ результатовъ“. Задача, поставленная этой философіей, важна, умственное исканіе философа глубоко и серьезно, но результаты, не смотря на его крупное философское и художественное дарованіе, ничтожны. Гдѣ же причина? Въ общемъ ослабленіи и утомленіи мысли, которое составляетъ характеристическую черту всей нашей эпохи. Есть что-то, подрѣзывающее крылья философіи, въ самой умственной атмосферѣ, которою мы дышемъ. Въ дни высшаго процвѣтанія философіи ее одушевляла вѣра въ разумъ, вѣра въ мысль, не какъ только субъективное состояніе, но какъ универсальную форму существующаго. Съ такою вѣрою въ мысль тѣсно связана другая вѣра—вѣра во всеобщую цѣль бытія. Великаго можетъ достигнуть только та философія, которая вѣритъ въ необходимые постулаты мысли: отрекаясь же отъ всего, чѣмъ жива всякая мысль, чѣмъ дышетъ разумъ, философія отрекается отъ самой себя, осуждая

себя на неизбежное вырождение. А это-то именно и наблюдается въ главнѣйшихъ теченiяхъ философской мысли второй половины XIX столѣтiя,—позитивизмъ и материализмъ. И въ такомъ упадкѣ философиі отразился общiй упадокъ современнаго человѣчества. Ницше вѣрно подмѣтилъ и этотъ послѣднiй фактъ, но онъ напрасно видитъ причину его въ демократизаціи общества, потому что демократическое движеніе, наоборотъ, заключаетъ въ себѣ сильно выраженный элементъ индивидуализма. „Корень упадка заключается въ утратѣ человѣкомъ той *цѣли*, которая возноситъ его надъ областью матеріальнаго, будничнаго и полагаетъ грань между нимъ и животнымъ“. Философія Ницше какъ нельзя лучше показываетъ намъ, что значить эта утрата: „въ положительныхъ построенiяхъ Ницше мы находимъ рядъ слабыхъ, искаженныхъ построенiй того самаго, что онъ отрицаетъ, понятіе цѣли, цѣнности, идеаль разумнаго, истиннаго человѣка. Все это по собственному его признанію тѣни Бога. И вотъ оказывается, что онъ шагу не можетъ сдѣлать безъ этихъ тѣней. Отвергнутый Богъ тѣмъ не менѣе остается центромъ его философиі, и въ этомъ заключается религіозность его исканiй. Философія его, такимъ обр., краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о силѣ и жизненности религіозныхъ предположенiй: очевидно эти предположенiя, лежащія въ основѣ всей нашей жизни и дѣятельности, нашей вѣры въ прогрессъ, нашихъ идеаловъ, суть нѣчто неустранимое для человѣка. И разгадка тайны современнаго человѣчества, которую стремился постигнуть Ницше, заключается въ томъ, что выражаясь словами этого философа, „наше солнце (наша вѣра въ добро, въ человѣка, въ Бога) уже закатилось и, хотя мы его уже не видимъ, небо нашей жизни все еще сілетъ надъ нами, все еще свѣтится его отблескомъ“.

Отношеніе Ницше къ религіи вообще и особенно къ христіанству, съ критической оцѣнкой его взглядовъ по данному пункту, выясняется довольно обстоятельно въ помѣщенной въ 6, 7, 8, 9 и 10 книжкахъ журн. „Вѣра и Разумъ“ статьѣ Лоренца Фишера „Фр. Ницше—„антихристъ“ въ новѣйшей философиі“, переведенной съ нѣм. подъ ред. М. Воскресенскаго. Статья имѣетъ въ виду дать „полный образъ философиі Ницше въ различныхъ стадiяхъ ея развитiя: а) Ницше какъ философъ-эстетикъ, б) Ницше какъ рационалистъ—вольнодумецъ, в) Ницше—пророкъ о сверхчеловѣкѣ и д) Ницше—

„антихристъ“. Главную тенденцію, объединяющую взгляды Ницше, Фишеръ видитъ въ „стремленіи къ лучшей высшей культурѣ человѣчества“, а названіе своего этюда объясняетъ тѣмъ, что въ ряду представителей новѣйшей антихристіанской философіи Ницше является „величайшимъ наиболѣе рѣзкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даровитѣйшимъ антихристіанскимъ философомъ“, который самъ себя съ гордостью называетъ антихристомъ и такое же заглавіе далъ своему послѣднему произведенію. Такъ какъ изложенное въ очеркѣ Фишера подъ рубриками а, b и с представляетъ въ общемъ то же самое, съ чѣмъ знакомитъ насъ статья кн. Трубецкого, то мы обратимъ вниманіе на характерную для этюда Фишера рубрику d, гдѣ авторъ разбираетъ обвиненія, возводимыя Ницше на христіанство. Христіанство, по словамъ Ницше, противорѣчитъ „волю къ власти“ или возвышенію власти въ человѣкѣ—этому идеалу ницшеанской философіи, причѣмъ подъ властью, которая должна возвышаться, Ницше разумѣетъ собственно физическую силу. Нелѣпость такого идеала слишкомъ очевидна, чтобы много говорить о немъ. „Тогда многіе африканскіе дикари и нѣкоторые мясники были бы великодушными и достойными подражанія образцами человѣка!.. Не физическая сила человѣка, пышущая избыткомъ крѣпости, но, какъ учить христіанство, интеллектуальная и нравственная сила въ ея высшемъ и гармоническомъ развитіи—вотъ что можетъ быть наивысшимъ достояніемъ человѣка“. Затѣмъ, напрасно Ницше считаетъ христіанство смертельнымъ врагомъ тѣлесной жизни: и въ христіанствѣ заботы о тѣлѣ и его питаніи имѣютъ значеніе положительнаго долга, такъ какъ тѣло есть органъ души; болѣе того: въ то время какъ Ницше дѣлаетъ тѣло человѣка звѣроподобнымъ, низводя его на степень тѣла животнаго, „христіанство въ нѣкоторомъ смыслѣ возвышаетъ до апогеоза сподобившееся божественной благодати человѣческое тѣло“.—Ницше ставитъ въ упрекъ христіанству, что оно приняло сторону слабыхъ, больныхъ, неудачниковъ, которые, по мнѣнію Ницше, должны погибнуть—это первое положеніе нашей любви къ людямъ. Не говоря о томъ, что это—философія „самаго низкаго звѣрства“, отдѣляемая пропастью отъ христіанства—„религіи благороднѣйшей гуманности,—слѣдуетъ поставить на видъ, что вступающій за слабыхъ, христіанство „не отвергаетъ людей сильныхъ и высокопоставленныхъ“: съ самаго начала оно было „рели-

гней не только простого народа, но и образованныхъ, знатныхъ и сильныхъ, если они посвящали себя ему, и такою остается до нынѣ“; напр. „средневѣковые рыцари всецѣло были преданы христіанству и все же были личностями сильными, мощными и знатными“.—Ницше упрекаетъ христіанскую религію за то, что она проповѣдуетъ добродѣтель состраданія, и называетъ ее „религією состраданія“. На это слѣдуетъ сказать, что состраданіе отнюдь не играетъ первой роли въ христіанской религіи: оно занимаетъ въ ней второ-степенное мѣсто. „Въ самомъ дѣлѣ, состраданіе собственно нигдѣ не представляется намъ въ качествѣ добродѣтели, такъ какъ оно—естественное слѣдствіе всякой неиспорченной страстями и дурными привычками души. Наивысшая христіанская добродѣтель—любовь, дѣятельная любовь къ Богу, ближнимъ и себѣ самому. Помогать несчастнымъ мы должны „не просто изъ состраданія, но гораздо болѣе—по любви. Объ этой любви нельзя сказать того, что Ницше говоритъ о состраданіи: если состраданіе, какъ онъ говоритъ, подавляетъ энергію жизненнаго чувства и уменьшаетъ нашу силу, то въ любви мы видимъ совершенно обратное: „она именно приподнимаетъ жизненное чувство и увеличиваетъ силу, ибо любовь сильна болѣе смерти“. Обвиненіе Ницше, будто христіанство отрицательно относится къ природѣ, ни на чемъ не обосновано, равно какъ обвиненіе, будто христіанство—врагъ матеріальной культуры: оно признаетъ послѣднюю, но съ тѣмъ, чтобы эта культура служила средствомъ для культуры духовной.—Ницше осуждаетъ христіанство за то, что оно требуетъ отъ людей вѣры, а эта вѣра унижаетъ ихъ. „Вѣра, говоритъ онъ, произвольное невѣдѣніе того, что истинно“—опредѣленіе, совершенно извращающее дѣло, потому что, наоборотъ, въ вѣрѣ выражается желаніе признать и знать истину, при неимѣніи другихъ средствъ къ познанію ея. И такая вѣра необходима не только въ религіи, но и во всѣхъ другихъ областяхъ, не исключая науки, потому что „непосредственному воспріятію подлежатъ не всѣ объекты“, и въ наукѣ хотя бы напр. историческая часть всецѣло покоится на вѣрѣ.—Если Ницше далѣе утверждаетъ, что христіанство отъ начала до конца неправда, фикція и ложь, то это столь же дерзкое, сколь бездоказательное у него утвержденіе. Если онъ обвиняетъ христіанство въ томъ, будто оно учитъ о равныхъ для всѣхъ правахъ и тѣмъ положило начало революці-

оннымъ движеніямъ, то обвиненіе это также неосновательно, потому что ни теоретически, ни практически христіанство этого не дѣластъ: уже существованіе церковной іерархіи доказываетъ противное.—Наконецъ, Ницше и потому врагъ христіанства, что онъ противникъ священниковъ; они въ его глазахъ всё лжецы—обвиненіе, опять у него не доказанное, хотя и яростное.—Вообще обвиненія, выставляемые Ницше христіанству, Фишеръ объясняетъ тѣмъ, что Ницше былъ хотя и даровитымъ, но одностороннимъ и не вдумчивымъ мыслителемъ, между тѣмъ какъ христіанство многосторонне; въ немъ и дѣятельная и страдательная сторона, и кроткая и суровая, и мирная и воинствующая, земная и небесная. И „нельзя цѣлится лишь за отдѣльныя выраженія Христа и его апостоловъ, но должно принимать во вниманіе всю совокупность христіанства“.

Къ тому, что писалось за обозрѣваемый періодъ о Ницше, примыкаетъ литературно-философскій очеркъ іеромон. Георгія подъ загл. „Мораль М. Горькаго“, помѣщенный въ № 5 „Вѣры и Разума“. Обзоръ типовъ, выведенныхъ въ произведеніяхъ Горькаго, даетъ автору основаніе утверждать, что мораль Горькаго—мораль ницшеанская, мораль силы и сильныхъ, стоящая „по ту сторону добра и зла“,—съ тѣмъ только различіемъ, что „у Ницше сверхчеловѣкъ никогда не можетъ быть представленъ какъ христіанинъ, сильный силою нравственною, у Горькаго же сверхчеловѣкъ можетъ быть сильный нравственною силою христіанинъ“. Слѣдуетъ отмѣтить „полезное указаніе“, которое авторъ считаетъ возможнымъ „позаимствовать изъ моральныхъ взглядовъ Горькаго, именно то, что наша христіанская мораль въ своемъ проявленіи въ отдѣльныхъ личностяхъ должна имѣть болѣе силы; что огонь любви и добра въ послѣдователяхъ Христова ученія долженъ горѣть *сильнѣе* и ярче, какъ горѣлъ онъ въ христіанскихъ мученикахъ, великихъ подвижникахъ и аскетахъ, какъ горитъ онъ, напр., теперь въ сердцѣ кронштадтскаго пастыря.. Тогда не будетъ никакого основанія оставлять христіанскую мораль какъ слабую и подмѣнять ее другою моралью—моралью силы“.

Если Ницше видитъ прогрессъ человѣчества въ увеличеніи силы индивидуума, въ приближеніи его къ идеалу сверхчеловѣка, стоящаго выше добра и зла, то здравая философія исторіи, напротивъ, видитъ такой прогрессъ въ уве

личеніи нравственной цѣнности жизни. Эта цѣнность будетъ расти съ развитіемъ сознанія и самосознанія въ людяхъ и по мѣрѣ того, какъ будетъ осуществляться высокій нравственный идеаль Канта, чтобы каждый человѣкъ былъ для другого цѣлью, а не средствомъ. Такой взглядъ на прогрессъ и его цѣль проводилъ † проф. Моск. университета Н. Я. Гротъ въ своей предсмертной статьѣ „Критика понятія прогресса“. Взглядъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что онъ является въ нѣкоторомъ отношеніи послѣднимъ словомъ Грота, пережившаго многосторонній и сложный философскій опытъ, какъ это можно видѣть изъ посвященнаго ему очерка въ 13—17, 21—24 книжкахъ „Вѣры и Разума“. Въ этихъ книжкахъ г. А. Никольскій напечаталъ довольно обширный систематическій обзоръ философскихъ произведеній Грота подъ заглавіемъ: „Николай Яковлевичъ Гротъ (1852 † 1899) и его философскіе труды“. Обзоръ раздѣляется на 4 главы: 1) 1-й (позитивный) періодъ философской дѣятельности Грота (1877—1884); 2) второй (идеалистической) періодъ (1885—1894); 3) спеціальныя работы Грота по психологіи во II и III (идеалистическо-научномъ—съ 1895 года) періодахъ его дѣятельности и 4) работы Грота по нравственной философіи и соціологіи. Предваряются эти 4 главы введеніемъ и заканчиваются заключеніемъ, причемъ и здѣсь и тамъ авторъ указываетъ значеніе, какое имѣла для русской философской мысли дѣятельность Грота. Гротъ выступилъ на философское поприще позитивистомъ, что и отразилось въ первыхъ его работахъ. „Но правовѣрнымъ позитивистомъ Гротъ пробылъ недолго: научныя его работы—его диссертациі: магистерская—„Психологія чувствованій“ и докторская „Къ вопросу о реформѣ логики“—расширили философскій кругозоръ ихъ автора и этимъ самымъ свели его съ узкаго тупика позитивизма на болѣе широкій и проходной путь идеалистической философіи“. Вершины идеализма онъ достигъ въ 1886 году въ своемъ трактатѣ „О душѣ“. Съ того времени,—въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, Гротъ исповѣдывалъ идеи идеалистической метафизики. Въ духѣ ея написаны статьи: „О значеніи чувства въ дѣлѣ познанія и дѣятельности человѣка“ и „Что такое метафизика?“ Но спеціальныя занятія главною наукою своей университетской кафедры—психологіею опять отвлекли Грота отъ идеализма и направили на путь эмпиризма, что особенно замѣтно въ

завершительной работѣ этого періода: „Понятія души и психической энергіи въ современной психологіи“... Такимъ образомъ, возрѣнія Грота—и теоретическія и практическія не были устойчивыми, равно какъ нельзя сказать о немъ, что онъ былъ творцомъ какой-либо цѣльной философской системы. Значеніе его въ другомъ, именно въ томъ, что онъ былъ талантливымъ работникомъ на философскомъ поприщѣ. Прежде всего, онъ разрабатывалъ отдѣльныя философскія дисциплины и знакомилъ съ ними русское общество. Въ этомъ отношеніи, кромѣ множества мелкихъ работъ, онъ далъ два крупныхъ труда по психологіи и логикѣ. Труды Грота, помимо ихъ научной компетентности, имѣютъ то еще значеніе, что служатъ иллюстраціями нѣкоторыхъ общихъ свойствъ русской мысли, именно: ея неустойчивости, ея постоянного скитальчества, а съ другой стороны, ея тяготѣніе къ проблемамъ преимущественно этического характера. Но заслуги Грота для русской философіи не ограничиваются только его писательствомъ: онъ былъ организаторомъ перваго русскаго философскаго (Московскаго Психологическаго) общества, его предсѣдателемъ и самымъ дѣятельнымъ членомъ *).

Д. Миртовъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки